

УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 21.01.2020
Accepted: 16.03.2020

FEAR IN UNIVERSITY POLICY OF THE UNITED STATES AND THE SOVIET UNION IN GUATEMALA AND CUBA¹

Natalia A. Tsvetkova

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Ivan A. Tsvetkov

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The United States' and Soviet Union's respective Americanization and Sovietization of other countries' universities during the Cold War were motivated by political fear. *Methods.* While realism often accentuates political fear as a driver of hard-lined policy, this paper embraces cooperative policy of states changing their initial political goals in order to appease target states. The comparative analysis and system approach are applied in the research. *Analysis.* Cases from Guatemala and Cuba make it evident that Washington and Moscow had to restrain and revise their projects at universities in order to maintain friendly political relations with the elite of their target governments. This paper explores the US policy at the University of San Carlos in Guatemala and the Soviet policy at the University of Havana in Cuba during the Cold War. The academic community's resistance to and sabotage of the transformations of the universities' national traditions and the fear that their strategic partners could interrupt the cooperation forced Washington and Moscow to curtail their Americanization and Sovietization. Local academics were able to abandon the superpowers' projects and reforms. The University of San Carlos rejected the establishment of social extension projects and the revisions of various courses suggested by American experts, and the University of Havana rejected the introduction of ideology-oriented disciplines of the Soviet model. *Results.* Political fear and the policy of appeasement led to neither the United States nor the USSR being able to achieve the Americanization or Sovietization of the target universities.

Key words: Cold War, United States, Soviet Union, universities, cultural diplomacy.

Citation. Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. Fear in University Policy of the United States and the Soviet Union in Guatemala and Cuba. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 2, pp. 170-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>

УДК 327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 21.01.2020
Дата принятия статьи: 16.03.2020

СТРАХ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ США И СССР В УНИВЕРСИТЕТАХ ГВАТЕМАЛЫ И КУБЫ¹

Наталья Александровна Цветкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Иван Александрович Цветков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Категория страха рассматривается в статье с точки зрения политики США и СССР в зарубежных университетах. Политический страх, часто описываемый в литературе как детерминанта проведения жесткой внешней политики, обуславливает и совершенно противоположную стратегию, направленную на отказ от реализации собственных политических задач, а также на проведение политики умиротворения в отношении другой страны. Исследование использует комплекс методов анализа, принятых в исторической и политической науке, а именно: документальный анализ, системный и сравнительный анализ. Кейсы, предложенные в статье, доказывают, что реалии периода «холодной войны» в странах Латинской Америки вынуждали Вашингтон и Москву отказываться от многих своих задач в культурной дипломатии и сворачивать проекты в университетах, чтобы сохранить дружеские политические отношения с элитой Гватемалы и Кубы соответственно. В статье анализируется политика США по реформированию университета Сан Карлоса в Гватемале и политика СССР по реформированию Гаванского университета на Кубе в период «холодной войны». Спротивление и саботаж академического сообщества, направленный против трансформации национальных традиций университетского образования, а также озабоченность и США, и СССР тем, что стратегические партнеры могут в любой момент прервать сотрудничество, вынуждали Вашингтон и Москву сворачивать свои проекты в сфере образования. Обе державы оказались под давлением местных университетов, которые сумели отказаться от услуг и реформ, предлагаемых американскими или советскими партнерами. Университет Сан Карлоса отверг создание социально значимых проектов и трансформацию дисциплин по американской модели, а Гаванский университет – внедрение идеологии СССР и позже русского языка. Страх и политика умиротворения привели к тому, что ни США, ни СССР не удалось добиться полной реализации проектов в университетах в странах Латинской Америки. *Вклад авторов в данное исследование следующий:* Н.А. Цветкова собрала и изучила документы в архивах США и РФ; И.А. Цветков разработал теоретическую основу статьи.

Ключевые слова: «холодная война», США, СССР, университеты, культурная дипломатия.

Цитирование. Цветкова Н. А., Цветков И. А. Страх как фактор политики США и СССР в университетах Гватемалы и Кубы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 170–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>

Введение. Новые архивные документы позволяют нам осуществить сравнительный анализ образовательной политики США и СССР в регионе Латинской Америки на примере таких стран, как Гватемала и Куба соответственно. Эти страны оказались уникальными и необычными кейсами, которые показали новые особенности поведения супердержав в университетах зарубежных стран.

Первоначально мы предполагали, что в Гватемале, где политическое влияние США значительно усилилось после переворота 1954 г., и на Кубе, где были установлены близкие контакты между Москвой и Гаваной после революции 1959 г., сформировались условия для ревизии систем образования и глубокого влияния США и СССР на клиентские университеты, как это было в университетах других стран [23; 24].

Однако наша гипотеза не подтвердилась. Несмотря на огромное влияние на политический режим в Гватемале, США сумели ока-

зать только минимальное влияние на традиции университетской жизни в самом крупном и старейшем университете страны – университете Сан Карлоса. Более того, устоявшееся представление о полной советизации Кубы также было разрушено данными о минимальном влиянии СССР на традиции образования в Гаванском университете. Академическая элита двух стран продемонстрировала уникальное и отличное от других стран поведение в отношении трансформации своих вузов и, что наиболее примечательно, сами США и СССР проявили склонность к крайне сдержанной политике в отношении университетов в Гватемале и на Кубе. Необычность политики двух супердержав и уникальное поведение академического сообщества сближает Гватемалу и Кубу и делает их примерами, которые могут быть поставлены в один ряд по целому набору признаков.

Столкновение США и СССР в регионе Латинской Америки в период «холодной вой-

ны» сформировало особый политический и культурный контекст. Университеты Латинской Америки оказались заложниками активной политики, проводимой США и СССР. США были шокированы приближением СССР и его идеологии к своим границам, сопровождаемым ростом политического и культурного влияния Москвы в зоне влияния США. Это вынуждало американское правительство действовать нервно и порой выходить за рамки дипломатического и гуманитарного права, участвуя в переворотах, политических убийствах, и осуществлять военные интервенции. Страх потери влияния в странах Латинской Америки привел к появлению нестабильной и непредсказуемой политики США, что существенно повлияло на культурную дипломатию и образовательную политику [2]. Вашингтону приходилось отказываться от многих своих задач в культурной дипломатии, сворачивать многие проекты в университетах, чтобы лишь раз не злить латиноамериканскую элиту, которая в любой момент, по мнению американских политиков, могла повернуться в сторону Москвы.

СССР, со своей стороны, после победы Кубинской революции впервые получил возможность масштабного влияния в странах Латинской Америки посредством идеологии, пропаганды, культурной дипломатии и программ помощи и развития. Для советских политиков это был новый вызов во внешней политике. Москва пыталась проводить трансформацию систем образования в зоне влияния США. Однако национализм латиноамериканских революционеров, их независимость от советской версии марксизма и обвинения СССР в ревизионизме революционных идей, пугали и убеждали Кремль в том, что в любой момент окно возможностей закроется и друзья в Латинской Америке и, особенно, на Кубе, откажутся от сотрудничества с СССР. Страх потерять «новых друзей» и влияние в регионе также оказались основным лейтмотивом советской политики развития, культурной дипломатии и действий СССР в университетах Кубы. СССР на Кубе был вынужден проводить политику умиротворения и осуществлять мягкую политику в отношении кубинской академической элиты, часто отказываясь от тех проектов, которые не нравились кубинцам.

В итоге две супердержавы боялись потерять влияние в стратегически важном регионе, который являлся для Вашингтона традиционным «задним двором», а для СССР – новой сферой влияния. Этот политический страх обуславливал их уникальное поведение в университетах Гватемалы и Кубы, отличное от поведения в других странах, где США и СССР проводили подобную политику.

Статья ставит своей целью показать, как страх потери влияния в регионе привел к ограничению трансформации по модели США университета Сан Карлоса в Гватемале и к ограничению реформ по советской модели Гаванского университета.

Методология исследования, материалы. Надо отметить, что категория страха еще мало изучена в контексте международной политики и совсем не изучена в контексте культурной дипломатии или университетской политики. Существующие исследования показывают, как страх обуславливает выбор государств в проведении конкретной политики. Например, политика Филиппин в отношении современного Китая основана на политическом страхе и опасениях, что Пекин может в любой момент прекратить оказание помощи, необходимой для поддержания власти президента Р. Дутерте. В исследованиях по международным отношениям категория страха описывается как некая уверенность представителей государства, что другая страна способна на предательство, разрыв отношений и даже военный конфликт, как, например, поведение нацистской Германии в 1930-е годы. Сторонники реализма, институционализма и конструктивизма чаще других используют категорию страха для анализа поведения государств в системе международных отношений. Реалисты утверждают, что поведение различных игроков остается непредсказуемым, и это создает условия для озабоченности (страха) у акторов по поводу появления различных угроз. Сторонники институционализма показывают, что страх государств в отношении друг друга может способствовать созданию международных и авторитетных институтов контроля. Конструктивисты делают акцент на том, что страх может привести к изменению поведения государств, смене ценностей и идентичности и в дальнейшем к развитию

необходимого сотрудничества [22]. Исследователи вводят понятие «глобального страха» (global fear), что связано с озабоченностью государства относительно геополитического контроля, безопасности и стабильного сосуществования [15]. Например, агрессивная реакция европейских государств на поведение Германии накануне Первой мировой войны, осуществление европейской интеграции или политика Филиппин в отношении Китая обуславливаются исследователями обеспокоенностью и страхом перед поведением отдельных государств [10].

Категория страха встречается в некоторых работах по истории «холодной войны». Существуют исследования о том, как страх перед ядерной атакой использовался правительствами США и СССР для мобилизации населения. Существуют также исследования о программах помощи как ответной реакции США на страх перед распространением коммунизма в мире [11]. Подобные исследования показывают, что обеспокоенность нестабильной политической обстановкой в одной стране и необходимость сохранения своей безопасности понуждали США использовать программы помощи для развития других государств. Например, программы помощи США в странах Латинской Америки исследователи связывают с обеспокоенностью Вашингтона в отношении усиления внутренних конфликтов и, как следствие, возможным расширением влияния СССР [12].

Однако не существует исследований, которые бы показывали, как страх снижал градус давления в политике субъекта или заставлял отступать от целей и задач своего политического курса. Именно к такой уникальной политике могут быть отнесены действия США и СССР в регионе Латинской Америки. Национальные интересы обеих супердержав диктовали проведение активной политики в регионе, а страх потери влияния модифицировал их политику по распространению ценностей и идеологии через университеты. Страх потери влияния приводил к проведению политики умиротворения, снижению запросов на реализацию своей политики. Очень часто супердержавы были вынуждены отказываться от собственных проектов, определяемых их политической и культурной идентичностью. И очень часто

США и СССР были вынуждены скрывать авторство проектов в университетах, чтобы сохранить возможности для дальнейших контактов. Такое поведение является крайне необычным для политики двух стран, которые успешно проводили радикальные трансформации университетов во многих уголках мира и добивались успеха посредством жестких и мягких подходов. Но Гватемала и Куба сумели ограничить трансформацию своих вузов, играя на страхах США и СССР.

Методологической базой исследования являются теории реализма и конструктивизма и концепция «страха» (fear). Реализм обобщает поведение государств на международной арене исходя из национальных интересов страны, а теория конструктивизма объясняет поведение акторов с точки зрения продвижения или защиты ценностей, идей или идентичности. Национальные интересы США и СССР диктовали проведение активной политики в регионе, а страх потери влияния модифицировал их политику по распространению ценностей и идеологии через университеты. Страх привел к снижению ожиданий от реализации политики реформ.

Исследование использует комплекс методов анализа, принятых в исторической и политической науке, а именно: документальный анализ, системный и сравнительный анализ, что позволяет нам реконструировать внешнеполитические шаги США в Гватемале и СССР на Кубе в период «холодной войны». Именно эти методы исследования способствуют критическому рассмотрению документальной базы исследования, которая включает документы правительства США и СССР, обнаруженные в Национальном архиве США (National Archive Records Administration) и Государственном архиве РФ.

Анализ. Аналитическая часть статьи состоит из двух разделов. В первом разделе будет показана политика США в университетах Гватемалы, во втором – политика СССР в вузах Кубы. Каждый раздел включает в себя анализ действий супердержав в Гватемале и на Кубе, а также анализ реакции академического сообщества двух стран на действия США или СССР. Именно поведение академических кругов двух университетов в значительной мере сформировало страх потери влияния сре-

ди политиков США и СССР, заставляя Вашингтон и Москву сдерживать свои проекты и соглашаться на отказ университетского сообщества от сотрудничества в деле трансформации вузов двух стран.

Политика *low gringo visibility* в университете Сан Карлоса. Гватемала оказалась одной из приоритетных стран в латиноамериканской политике США в начальный период «холодной войны». Популярность левых идей и политика президента Гватемалы Хакобо Арбенса, направленная на национализацию американских компаний и сотрудничество с коммунистическими элементами, вызывали озабоченность Вашингтона. После военного переворота 1954 г. Гватемала стала одним из ведущих государств в списке стран, в которые направлялись программы помощи и культурной дипломатии США. Политика Вашингтона в вузах страны опиралась на стратегию по искоренению идей марксизма из системы образования посредством переобучения учителей и преподавателей, что было зафиксировано в известном документе СНБ № 5509, принятом в 1959 году. Вашингтон был вынужден поддерживать непопулярных консервативных и авторитарных лидеров Гватемалы на протяжении всего периода «холодной войны», несмотря на постоянные демонстрации населения страны против правительства и против самих США. Но с точки зрения контекста того времени и огромного психологического шока, вызванного неожиданной победой революционеров на Кубе, у Вашингтона не было другого выбора, кроме как постараться остановить распространение идей левого толка, которые, как тогда казалось, исходили из Москвы. Университеты оказались в эпицентре этой политики сдерживания.

Американские программы помощи начали реализовываться в самом крупном и известном университете Сан Карлоса сразу же после переворота 1954 года. Однако еще в 1930-е гг. правительство США осуществляло «вылазки» в вуз, оказывая помощь учебниками, обучением преподавателей и обменами студентов. Проекты носили ограниченный характер и были направлены скорее на сдерживание распространения немецкой пропаганды, чем на формирование университета по американской модели.

Университет Сан Карлоса являлся наиболее влиятельным образовательным учреждением в стране, наряду с военными учебными заведениями. Связь с элитой Гватемалы и ее политической историей делали этот университет зависимым от правительства. Но постоянный рост студентов, а около 75 % выпускников всех гватемальских школ поступали именно в университет Сан Карлоса, создавал условия для активизации антиправительственных настроений в ведущем вузе страны.

Агентство международного развития США, которое открыло свой офис в столице Гватемалы, сообщало в Вашингтон о необходимости расширения присутствия США в университете. Наличие лояльного правительства вселяло в вашингтонских чиновников уверенность в возможности адаптации университета к американской модели университета и создания вуза, который будет формировать новые кадры, нужные для развития страны [17]. Трансформация университета виделась специалистам из США как средство для экономической и социальной модернизации страны, что, в свою очередь, могло бы остановить распространение коммунизма.

Разрабатывая проекты для Сан Карлоса, специалисты отдела по образованию Агентства международного развития США выявили особенности университетской системы в Гватемале, которые подлежали изменению. Основной проблемой Сан Карлоса, по мнению американских экспертов, было то, что между университетом, научными исследованиями, реальным миром и потребностями экономики Гватемалы не было никакой связи. Университет находился слишком далеко от запросов общества Гватемалы и олицетворял извечную проблему «башни из слоновой кости»: «Национальный университет можно охарактеризовать как традиционный по структуре и мировоззрению, со всеми присущими ему проблемами негибкости, неэффективного использования ресурсов, неадекватных методов обучения и отсутствия контакта с реальностью», где «занятия основаны на устаревших концептах преподавателей, а администрация выполняет, преимущественно, хозяйственные функции» [13; 16]. По мнению американских специалистов, университет Сан Карлоса не имел программ, которые могли бы способ-

ствовать развитию страны: «в национальном университете нет никаких курсов, посвященных современной Гватемале. Нет никаких социальных исследований, проводимых за пределами библиотеки и нет никакой связи между университетом и реальностью Гватемалы. Нет курсов в области социологии, географии, политологии, экономики развития, демографии, культурной антропологии и пр.» [25].

Трансформация университета для обслуживания потребностей страны и подготовки нужных специалистов стала магистральным направлением работы американских ведомств. Американские советники верили, что изменение функций университета познакомит студентов и профессуру с их собственной страной, а также предоставит им инструменты для анализа проблем общества и экономики. Социальные науки рассматривались американскими специалистами как ключевой фактор для вовлечения университета и его выпускников в развитие страны и соединения университета с реальными проблемами Гватемалы. Программа реформ была названа «Расширение социальных функций университета» (University Extension) и ставила своей целью использовать ресурсы университета для развития отдаленных районов страны.

В 1968 г. в университет был направлен особый советник правительства США в области социальных наук (a social science advisor). Специалист должен был определить точки возможного развития новых дисциплин в данной сфере и потенциал имеющихся специалистов. Работа по этому направлению подразумевала включение местных преподавателей в процесс трансформации курсов лекций и создания новых дисциплин. Эксперты предполагали, что формирование групп *прогрессивных* преподавателей и хорошая оплата их труда приведет к развитию дисциплин в области социальных наук и практической деятельности университета за пределами столицы. Однако уже на уровне планирования стало ясно, что собрать преподавателей в одну команду будет сложно, поскольку 90 % состава работали по контрактной и часовой оплате, не занимаясь серьезно исследованиями и не имея желания формировать новые, говоря

современным языком, практико-ориентированные курсы лекций.

США надеялись на поддержку и лояльность нового ректора университета, профессора Рафаэля Куэвас дель Сида (Rafael Cuevas del Sid), который обещал реализовать программу по развитию социальных наук в университете. Именно его устами были озвучены детали реформы, такие как необходимость изучения проблем развития, трансформации учебного плана и самое новое и малопонятное для профессуры – необходимость расширения социальной функции университета. Ректор тогда сказал, что трансформация университета Сан Карлоса затронет каждого студента и преподавателя и сделает университет ресурсным центром для подготовки кадров [16]. Программа реформ, продвигаемая США, поддерживалась министерством образования Гватемалы, что создавало уверенность в успехе проекта. Среди преподавателей нашлись те, кто поддерживал данную идею и сотрудничал с американскими консультантами. В итоге американские специалисты были уверены, что гватемальские друзья смогут уговорить несогласных и консервативных преподавателей в необходимости реформирования.

В 1969 г. США объявили, что новые курсы в области социальных наук будут соединять университет с реальными проблемами страны, а студенты должны будут реализовать проекты в отдаленных районах, помогая местному населению в области медицины и в вопросах школьного образования. Преподаватели же университета должны перестроить свои курсы лекций так, чтобы они предоставили студентам практические навыки для участия в программах развития и помощи [16].

Для реализации проекта в университете были созданы центры по изучению проблем Гватемалы и центры по изучению проблем развития, которые выполняли роль хаба для специалистов, студентов и всех тех, кто был заинтересован в появлении новых наук, способствующих развитию страны. Самые разные факультеты стали вводить обязательную практику студентов в отдаленных сельских районах Гватемалы, а университет стал превращаться в ресурсный центр по подготовке кадров (*Division of Extension and Social Service*) – учителей начальных классов, младшего медицинского персонала, агрономов и пр. – для провинций.

Однако подобный проект сразу же вызывал недовольство среди преподавателей. Американские специалисты пытались убедить преподавателей, что традиционное образование уже не способно выполнить запросы развития страны и университет должен сконцентрироваться на подготовке специалистов-практиков. Но преподаватели отказывались от подготовки новых практико-ориентированных курсов, заявляя, что данные реформы меняют традиционную роль университетов – создание фундаментального научного знания [16]. Когда правительство США пригласило специалистов из университета Калифорнии (Лос-Анжелес) для ускорения создания программ по развитию и социальных служб в университете Сан Карлоса, профессора не приняли гостей. Характеризуя этот отказ, сотрудники Агентства международного развития в Гватемале информировали Госдепартамент, что «они не хотят сильного влияния “гринго” в университете, особенно в области социальных исследований» [20].

В то же время создавались летние школы для студентов с целью развития навыков работы в провинциях после окончания университета. Но охват оказался не очень значительный – за два года было вовлечено только 108 из 13 000 студентов университета. Студентам предлагались гранты для написания диссертаций по новым направлениям и, как было отмечено в одном из документов, «это в некотором смысле взятка, чтобы вывести студентов в новую область науки и практики, но это того стоит» [14]. США сделали ставку на то, что студенты поедут после окончания университета в провинцию. Но расчеты оказались ошибочными: студенты стремились найти работу в пределах столицы [25]. Документы говорят о том, что только выпускники медицинского факультета были способны оказывать временную помощь в области стоматологии в отдаленных районах страны. Другие факультеты и студенты отказались от этой американской программы. Попытки создания обязательной системы по обеспечению провинции кадрами полностью провалилась. Студенты не собирались покидать столицу, а «элита, включая молодежь, которая в среднем училась по десять лет в университете, мало интересовалась проблемами страны» [14]. Как оказалось, студен-

ты видели себя карьерными врачами, юристами, инженерами, архитекторами и учеными в пределах столицы.

Студенты представляли для США реальную проблему. Документы говорят о том, что американские специалисты видели в студентах изменчивую, непредсказуемую массу, выступающую против «гринго». Участвовавшие выступления против правительства и США убедили экспертов США в том, что «любая программа, предназначенная для студентов, будет расцениваться как некое вмешательство, и поэтому слишком открыта для критики» [14]. Эти проблемы тормозили взаимодействие между американскими экспертами и студентами и приводили к прекращению многих проектов. Чтобы не создавать лишних поводов для развития антиамериканизма, специалисты Агентства международного развития притормозили работу со студентами. Эксперты осознали, что не стоит вкладывать средства в студентов, поскольку любая программа для студентов не имеет долгосрочного эффекта, она не создает новый институт или социальную службу для страны [14]. Надо сказать, что такие заявления о студентах отмечены нами в американских документах впервые. Как правило, студенты разных стран охотнее сотрудничали с американскими реформаторами, отзываясь на проекты и программы. В Гватемале настроения студентов оказались острее, что склоняло американских экспертов закрыть широкое взаимодействие с молодежью.

В итоге уже в начале 1970-х гг. США вынуждены были признать, что программа по расширению функций университета провалилась и причиной всему – нежелание профессуры менять курсы и внедрять новые, а также нежелание студентов покидать столицу: «концепция расширения университета за пределами столицы, направленная на национальные образовательные потребности, слабо согласуется с традиционной ориентацией преподавателей и студентов» [16].

В любой момент гватемальцы могли полностью прекратить сотрудничество, что в контексте «холодной войны» и популярности левых идей могло рассматриваться как поражение. Отказ университета Сан Карлоса от сотрудничества вынуждал США пересмот-

реть собственные проекты. Страх перед возможностью потери влияния заставлял США делать шаги в обратном направлении: уступать местной профессуре и сокращать число проектов. США признали, что даже при условии продолжения программы, финансирование должно поступать без указания на Агентство международного развития и США как основной источник средств [16]. Чтобы сохранить партнерские отношения с университетом, США приняли решение сократить контакты, а проектную деятельность проводить через различные организации и очень тщательно подбирать состав участников: «В администрации, на факультетах и студенческих ассоциациях университета Сан-Карлоса доминируют самые разные левые. Контакты посольства с этой влиятельной группой строго ограничены. Поскольку могут возникнуть политические проблемы, необходимо осуществлять тщательный отбор преподавателей и студентов» [18].

Тогда же среди американских экспертов появилось выражение *low gringo visibility*, что подразумевало сокращение прямых контактов с университетом: «Большая часть помощи Агентства международного развития предоставлялась в форме оборудования. Программы, связанные со студентами и преподавателями, были намеренно замаскированы, чтобы не иметь какой-либо очевидной связи с Агентством» [14]. Госсекретарь У. Роджерс полностью поддержал представителей Агентства международного развития в Гватемале по скрытию прямого финансирования университета в Гватемале, указав в телеграмме, что «Мы отмечаем, что подход по снижению видимости роли США в университетском образовании, когда Агентство международного развития осуществляет совместную реализацию проектов с университетами Гватемалы, является надлежащим» [21].

Страх перед полной дискредитацией США в университете Сан Карлоса вынудил американских специалистов в 1972 г. свернуть проекты, предоставив университету развиваться в рамках местных традиций [19]. Покидая университет, американские эксперты с горечью отмечали, что: «четыре века университетской традиции создали гордую защиту для статус-кво. Наши усилия, направленные

на создание национального университета двадцатого века, чаще всего встречали безразличие, если не враждебность. Приглашенные профессора из США оказались в изоляции; контакты, поддерживаемые Агентством международного развития, оставили систему без изменений; лаборатории вышли из строя, когда технические специалисты США покинули страну; самая эффективная критика общеобразовательной программы в университете Сан-Карлос заключалась в том, что идея возникла в США» [16].

Саботаж и сопротивление со стороны профессуры, а также непредсказуемое поведение студентов сдерживали США от продвижения собственной политики в университете. В отличие от многих других стран, США не оказывали давления на преподавателей университета Сан-Карлоса, предоставляя им свободу выбора. Обычно американские реформаторы стремились найти подходы к преподавателям или студентам, чтобы полностью реализовать собственные проекты. Гватемала оказалась в другом политическом контексте. Любое неосторожное движение США приводило к вспышке антиамериканизма, повышению популярности левых идей и марксизма, а страх перед возможным влиянием СССР удерживал американцев от настойчивого продвижения университетских реформ.

Политика умиротворения в Гаванском университете. В то же самое время, когда в США разрабатывались программы зарубежной помощи в глобальном масштабе, в СССР расширялись программы культурной дипломатии и развития для стран Латинской Америки. Впервые в истории России были созданы полномасштабные программы обменов и обучения, а также проекты по оказанию помощи в строительстве школ и вузов для стран Западного полушария. Причиной запуска новой масштабной политики СССР в области международного развития была Кубинская революция. Модернизация и индустриализация позволяли Москве оказывать содействие многим странам в развитии систем образования, строительстве вузов и трансформации существующих университетов. Куба должна была стать примером полной ревизии системы образования, учебных планов и учебников. Однако события стали развиваться несколько иначе.

Молодое правительство во главе с Ф. Кастро понимало значимость вузов в развитии страны. Страна переживала нехватку специалистов и преподавателей, которые, по словам министра просвещения Кубы, «позорно покидают Кубу». «На днях тайно на моторной лодке покинули территорию Республики ректор Университета в г. Лас Вильяс и его заместитель. Имеются совершенно “свежие” примеры бегства крупных инженеров и преподавателей» – так жаловался министр советским дипломатам в разговоре о необходимости подготовки новых кадров в Москве [1, л. 6]. Нехватка специалистов стала одной из причин обращения кубинского правительства за помощью к СССР. Однако Куба не призвала СССР осуществлять реформы в собственных университетах, а намеревалась получить специалистов, которые смогут поддержать экономику в период преобразований и санкций со стороны США. Москва, осознавая всю значимость острова в контексте «холодной войны», откликнулась на любую просьбу кубинского правительства. В итоге Куба оказалась самой приоритетной страной по подготовке специалистов. В первый же год существования программы СССР пригласил 300 студентов различных инженерных специальностей, 100 студентов для подготовки научных работников и 400 рабочих и техников для обучения в вузах [8, л. 3].

По своей инициативе СССР предложил кубинскому правительству сформировать корпус преподавателей русского языка из 80 кубинцев. Но в 1961 г. министр образования заявил, что «кубинскому правительству будет трудно претворить в жизнь это мероприятие. Куба не сможет набрать 80 человек, имеющих хотя бы среднее образование, и при этом оголить многие важные участки работы в госаппарате» [4, л. 65]. Тогда СССР предложил направлять советских преподавателей русского языка на Кубу. Именно так на острове стали появляться советские преподаватели.

Гаванский университет стал основным вузом, принимающим советских специалистов. Университет был одним из старейших в регионе и был открыт испанцами в 1728 году. Долгое время университет находился под контролем католической церкви и только в середине XIX в. стал светским учебным заведением.

После войны между Испанией и США в 1898 г., университет оказался под влиянием американской системы образования. Профессора из Гарварда привезли в Гаванский университет идеи социальных наук, сформировали кафедры и создали три факультета: факультет свободных искусств, медицины и юриспруденции. Была введена американская система обучения на уровнях бакалавриата и магистратуры [3]. Студенческие демонстрации за демократизацию вуза привели к получению автономии Гаванского университета в 1933 г., причем участие студентов в управлении было расширено. Но автономия была потеряна, когда в 1952 г. к власти пришел генерал Ф. Батиста. Несмотря на то что в это же время было открыто еще два университета – в Орьенте (Сантьяго-де-Куба) и Центральный университет Лас-Вильяс, Батиста закрыл все университеты в 1956 году. Причиной закрытия послужила активная деятельность студентов и выпускников вузов, среди которых был и Ф. Кастро. Гаванский университет был сразу открыт после победы восстания 1959 года. После кубинской революции на всем протяжении периода «холодной войны» на Кубе функционировало 4 университета, три из них мы упоминали выше, а четвертый был открыт в 1975 г. в провинции Камагуэе и получил название Университет Камагуэе. Но основной контингент студентов – свыше 70 % – обучались в Гаванском университете.

Университеты, как и другие структуры кубинского общества, должны были пройти через серию реформ, предложенных молодым правительством. Для того чтобы выбрать направления реформ, в СССР в 1961 г. прибыла представительная делегация Кубы во главе с министром просвещения. В это же время Ф. Кастро и Э. Че Гевара неоднократно посещали Гаванский университет, где объясняли студентам и профессуре необходимость реформирования вузов. Однако в последующие годы произошло только незначительное реформирование университета, причем в основном затрагивалась лишь организационная структура. Появились профсоюзы и студенческие организации, был создан ученый совет университета, а каждый факультет получил также коллегиальный орган в виде совета факультета. Устанавливалось обязательное посещение

ние лекций студентами и ликвидировалась практика «вечного студента», появилась разбивка учебного плана на семестры и была разработана программа научных исследований, связанная с развитием страны. Наконец, было узаконено право рабочих и крестьян учиться в университете.

Правительство Ф. Кастро не отменило американской системы обучения с делением на бакалавров и магистров. Более того, сохранялись факультеты, созданные американскими профессорами, американские учебники и американская система тестирования. После посещения СССР правительство Кубы решило не применять полностью советскую модель образования. Члены кубинского правительства неоднократно заявляли советским специалистам, что «сохранение автономии является более правильным, нежели ее отмена, ибо последняя дала бы повод для различных заявлений контрреволюционного характера» [1, л. 6].

Надо сказать, что многие университеты, в которые приходили советские специалисты, пытались сохранить черты традиционного обучения и преподавания. Однако никому это не удавалось. Так было в университетах Западной и Восточной Германии, в которых США и СССР соответственно проводили жесткие реформы по своим моделям. Так было, например, и в Кабульском университете, в котором сначала США осуществили перестройку образования в 1950–1970-е гг., а после прихода советских войск университет пережил чистки и внедрение советских идей в 1980-е годы. Ситуация с Кубой была иной. СССР был настороже, что Куба, как в свое время Китай, уйдет из-под влияния Москвы. Кубинское правительство имело свою независимую точку зрения на международные события, ориентировалось на свой вариант марксизма и проводило независимую от Москвы внешнюю политику. Советское правительство быстро осознало, что лучше проводить мягкую политику и даже политику умиротворения: если Куба не стремится к советским реформам в Гаванском университете, то стоит уступить. Политические ставки были крайне высоки – Москва не хотела ослабить свои позиции на острове, находящемся недалеко от главного соперника, из-за разногласий с кубинцами по вопросам реформирования университетов.

Этот страх притормаживал кардинальную трансформацию в Гаванском университете. Было согласовано создание только подготовительного факультета и кафедры русского языка. В 1963 г. советским специалистам удалось открыть в университете подготовительный факультет для самых низших слоев населения, которые хотели бы поступить в университет. Однако, как говорят документы, это была не самая основная функция факультета. Основная задача – подготовка тех граждан и студентов, которые направлялись на обучение в СССР. И основным предметом обучения являлся русский язык. Кафедра русского языка была открыта при департаменте неиспанских языков. Там работали 1–2 советских преподавателя, которые читали курсы лекций по истории литературы и вели занятия по русскому языку.

Но с самого начала работы советские преподаватели столкнулись с несколькими проблемами. Во-первых, русский язык не был так популярен среди студентов, как обычно описывают в литературе. Его изучали лишь те студенты и рабочие, которые направлялись на обучение в СССР. Во-вторых, отношение к советским преподавателям со стороны студентов было настороженное. Например, студенты, прослушав лекции о соцреализме, как основной форме литературного и художественного творчества, заявили советскому преподавателю, что не реализм, а экспрессионизм, абстракционизм и сюрреализм являются прогрессивными линиями развития современного искусства. Советские преподаватели в своих отчетах указывали, что «работу приходится вести в крайне трудных условиях, так как этой точки зрения придерживаются большинство кубинских преподавателей» [7, л. 49]. Более того, когда советские преподаватели пытались проводить семинары по изучению работ В. Ленина или вести пропаганду, руководство университета тут же сокращало занятия по русскому языку с советскими преподавателями [7, л. 49].

Феномен неприятия советской идеологии в университетах социалистической Кубы объясняется известной позицией многих кубинских революционеров, что советский марксизм – это ревизионизм, отказ от принципов мировой революции. Советский Союз упрекали

в стремлении жить в условиях мирного сосуществования с Западом, а впоследствии – в условиях разрядки. Именно поэтому в Гаванском университете, который не утратил своей автономии и традиций свободы, навязывание идей или проведение лекций только с одной идеологической позиции вызывали недовольство со стороны и преподавателей, и студентов. К середине 1960-х гг. советские преподаватели в массе своей работали только на подготовительном отделении или, как его иногда называли, на факультете рабочих и крестьян, а также на кафедре русского языка, и не имели возможности создавать кафедры марксизма-ленинизма или истории рабочего движения.

Москва была вынуждена согласиться с такой позицией Гаванского университета. Страх потерять политического партнера из-за разногласий по поводу университетских дел перевешивал политику давления, которую обычно использовала Москва, сталкиваясь с подобными проблемами в вузах других стран. Чтобы как-то преодолеть непокорность Гаванского университета, в Москве было принято решение открыть на Кубе «элитарный» вуз, в котором предполагалось готовить идеологически верных преподавателей и переводчиков русского языка. Была уверенность, что выпускники придут в Гаванский университет и процессы русификации пойдут активнее. В 1962 г. был открыт отдельный пединститут имени М. Горького в Гаване, где готовилась высококвалифицированная элита переводчиков и преподавателей русского языка. Этот институт стал базой для формирования единых программ и учебников по русскому языку для всех учебных заведений Кубы, включая школы, ПТУ и университеты. На первый курс принималось около 140 студентов, занятия вели и кубинские, и советские специалисты. Был даже создан альтернативный Гаванскому университету подготовительный факультет для тех студентов и всех кубинцев, которые направлялись на обучение в СССР. Но неожиданно для советских специалистов институт столкнулся с небывалыми трудностями по формированию единой модели преподавания русского языка. Не удалось запустить единые учебники по русскому языку, а выпускники не могли найти себе работу, по-

скольку русский язык как предмет в школах и вузах вводился очень медленно. В масштабах всей Кубы в середине 1960-х гг. советские специалисты отмечали, что «русский язык был введен как предмет обязательного посещения только в технологических институтах. В школах русский язык вводился по желанию и наблюдалась низкая наполняемость групп. В тех же учебных заведениях, где посещение уроков русского языка обязательное, наполняемость групп очень высокая (30–35 чел.)» [9, л. 243]. Москва попыталась обеспечить каждую провинцию методистом по русскому языку, который бы наблюдал за ходом курсов лекций, обеспечением учебниками и проводил занятия по повышению квалификации преподавателей. В разные уголки Кубы отправлялись указания, программы и учебники почтой, которые, однако, практически не использовались: «материалы же, присланные из института имени Горького (программа и первая часть учебника с методическими указаниями к урокам), хранились нераспечатанными в доме преподавателей» [9, л. 243].

В начале 1980-х гг. эта проблема дополнилась тенденцией повышения интереса к английскому языку, что было официально поддержано профессурой Гаванского университета. Хотя, если сравнить документы 1960-х, 1970-х и 1980-х гг., противостояние между русским языком и английским языком на Кубе существовало на протяжении всего периода «холодной войны». Но в начале и середине 1980-х гг. проблема интереса к английскому языку звучала очень трагично из уст советских преподавателей, которые видели в этом даже некое предательство кубинцев: «наше неудовлетворение вызывает сокращение изучения русского языка в вузах и школах и введение английского, малое количество информации из СССР по ТВ, радио, в кино и театрах, а отсюда и отсутствие интереса к нашим культурным программам» [6, л. 14]. Во многих вузах русский язык ликвидировался как предмет – даже в тех, которые были созданы Москвой и считались образцовыми.

Делая ставку на русский язык как на средство влияния на кубинское высшее образование, Москва была крайне обеспокоена трендом популярности английского языка.

СССР постоянно пытался исправить данную ситуацию. В середине 1980-х гг. Москва направила советских экспертов на Кубу, чтобы прояснить обстановку с русским языком. Первым делом советские специалисты направились в Гаванский университет, поскольку Москва получила информацию, что кубинцы собираются закрыть подготовительный факультет. Факультет принимал по 600 человек каждый год. Но интерес к русскому языку в период советской «перестройки» настолько упал, что в 1987 г. на отделение русского языка уже не было набора. Там оставалось 60 студентов и 68 преподавателей, которые вскоре должны были потерять работу. Кубинцы заявили, что «происходит сокращение численности учащихся на всех подготовительных факультетах и сокращение этих структур неминусом» [5, л. 51]. Но самый серьезный удар Москва получила от Министерства образования Кубы, которое заявило, что «меры по свертыванию подфаков и устранению русского языка из учебных заведений Республики с одновременным распространением английского языка согласуются с установками ЦК КПК» [5, л. 51].

Советские специалисты настаивали на сохранении подфака в Гаванском университете, несмотря на резкое падение числа студентов и кубинцев, которые хотели бы изучать русский язык. Предлагали сохранить действующий состав преподавателей и издать новый советско-кубинский учебник по русскому языку, полагая, что такое сотрудничество вдохновит кубинцев. Но судьба русского языка была предрешена политикой Гаванского университета. Вскоре, в 1987–1988 гг., кафедра русского языка была закрыта, а подготовительный факультет превратился в факультет вечернего обучения для студентов, работающих днем.

Советские специалисты в Гаванском университете, как и американские специалисты в университете Сан Карлоса, столкнулись с неожиданным для себя сопротивлением со стороны академического сообщества. Выбирая между давлением и возможной потерей влияния на Кубе и политикой согласия и умиротворения кубинцев, Москва выбрала второе. Страх потери стратегического партнера обуславливал отказ от проектов реформ в уни-

верситетах. В отличие от многих других университетов в странах Восточной Европы, в Афганистане, Северном Вьетнаме, в странах Африки, Гаванский университет позволил Москве создать только незначительное число структур, полностью отказавшись от внедрения советских традиционных дисциплин и кафедр.

Результаты. Страны Латинской Америки представляют уникальное звено в образовательной политике двух держав в период «холодной войны». Политика США и СССР в регионе была основана на страхе потери влияния на партнерскую страну. Этот страх был порожден политическим и военным контекстом «холодной войны». США были шокированы приближением СССР к зоне их жизненно важных интересов. Популярность СССР, идей марксизма в латиноамериканском изложении могли дестабилизировать любую страну Западного полушария и привести СССР и его ядерный арсенал к границам США. Пример Кубы показал такую ситуацию в реальности. После кубинской революции СССР впервые начал реализовывать масштабные проекты в области культурной дипломатии в странах Латинской Америки, и стремился во что бы то ни стало укрепиться в регионе. Москва боялась другого, а именно: клиентские государства могут отказаться от услуг и прервать отношения с Россией.

Исходя из политического контекста «холодной войны», обе державы проводили политику умиротворения в своей культурной дипломатии, отказываясь от многих принципиальных шагов в трансформации университетов, которые были реализованы в других странах. Не происходило давления на профессуру университетов Гватемалы и Кубы в области преподавания политически-ориентированных курсов, таких как политология, американские исследования, философия марксизма-ленинизма или исследования России. Впервые обе державы оказались под давлением местных университетов, которые позволяли себе с легкостью отказываться от услуг и реформ, предлагаемых американскими или советскими партнерами. Университет Сан Карлоса отказался от создания социально значимых проектов, перестройки различных курсов, а Гаванский университет – от идеологии СССР и

позже от русского языка. Однако, в отличие от своей политики в других странах, супердержавы не давили и не навязывали то, что не нравилось университетам, чтобы не поставить под угрозу стратегическое партнерство в регионе Латинской Америки.

Академическое сообщество Гватемалы и Кубы осознавало свое необычное положение в стратегических расчетах двух супердержав. Латиноамериканская профессура видела беспокойства и страхи Вашингтона и Москвы и пользовалась данной ситуацией. Получение помощи в области строительства и развития инфраструктуры университетов, а также реальная помощь в развитии национальных кадров и совершенствования работы преподавателей стали основными результатами данной уникальной политической ситуации. Чтобы как-то сохранить влияние в стране и системе образования в Гватемале и на Кубе, США и СССР вкладывали огромные средства и позитивно отзывались на любые просьбы своих партнеров.

В итоге страх привел к тому, что ни США, ни СССР не удалось добиться полной реализации реформ университетов. Они были вынуждены отступить перед нежеланием университетов реализовать их проекты. Возвращаясь к теоретической дискуссии относительно категории страха в международных отношениях, культурной дипломатии и образовательной политике, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что политический страх способен не только обуславливать выбор жесткой политической линии, но и вести к самоограничению в проведении подобной жесткой политики в отношении других стран. Под воздействием страха и сопротивления со стороны локальных групп, которые стремятся сохранить местные традиции, национальную идентичность государства и свои ценности, государства меняют свою политику, делая ее более уступчивой, применяя подходы умиротворения и вынужденно отказываясь от собственных целей и ценностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00042 «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы».

The research was funded by RFBR in the framework of research project no. 19-014-00042 "Place of Latin America in the New World Order: Prospects and Challenges".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Запись беседы с заместителем министра просвещения Кубы Хосе Агилера Масейрас. Секретный отчет, 15 декабря 1960 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9606. – Оп. 2. – Д. 48. – 106 л.
2. Кубышкин, А. И. Американская историография гватемальской революции 1944–1954 гг.: этапы и основные направления / А. И. Кубышкин // Латинская Америка. – 1980. – № 5. – С. 102–109.
3. Кубышкин, А. И. Создание национальной модели американского университета (конец XIX – начало XX века) / А. И. Кубышкин, Т. А. Анисимова // AMERICANA : сб. ст. / под ред. И. И. Куриллы. – Волгоград, 2014. – С. 325–343.
4. Отчет инспектора Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами о поездке в Республику Куба. Секретный отчет, 13 июля 1961 // ГАРФ. – Ф. 9606. – Оп. 2. – Д. 48. – 106 л.
5. Отчет о заграничном командировке в Республику Куба делегации Минвуза СССР, ноябрь – декабрь 1987 // ГАРФ. – Ф. 9606. – Оп. 11. – Д. 355. – 110 л.
6. Отчет об участии в составе советской делегации в международной конференции г. Гаване (Куба), февраль 1986 // ГАРФ. – Ф. 9563. – Оп. 1. – Д. 5203. – 106 л.
7. Отчет преподавателя русского языка и литературы. Департамент современных неиспанских языков Гаванского университета, 5 августа 1965 // ГАРФ. – Ф. 9606. – Оп. 2. – Д. 2317. – 237 л.
8. Письмо заместителя министра финансов СССР заместителю министра высшего и среднего специального образования СССР, 2 января 1960 // ГАРФ. – Ф. 9606. – Оп. 2. – Д. 48. – 106 л.
9. Справка о состоянии преподавания русского языка в республике Куба, 5 июня 1966 // ГАРФ. – Ф. 9606. – Оп. 2. – Д. 2317. – 247 л.
10. Castro, R. C. Explaining the Duterte Administration's Appeasement Policy on China: The Power of Fear / R. C. Castro // Asian Affairs: An American Review. – 2018. – Vol. 45 (3/4). – P. 165–191.
11. Clouser, R. Facing Fear: The Importance of Engaging with Fear in Development Literature / R. Clouser // Progress in Development Studies. – 2014. – Vol. 14 (2). – P. 131–146.
12. Clouser, R. Security, Development, and Fear in Guatemala: Enduring Ties and Lasting Consequences / R. Clouser // Geographical Review. – 2019. – Vol. 109 (3). – P. 382–398.

13. Education Development (Higher). Airgram from AID/Washington to Guatemala AID, August 14, 1970 // National Archive Records Administration (NARA). – RG 286. – Box 3.

14. Greater Involvement with Students at the University Level // NARA. – RG 286. – Box 2.

15. Gurantz, R. Fear, Appeasement, and the Effectiveness of Deterrence / R. Gurantz, A. Hirsch // *Journal of Politics*. – 2018. – Vol. 79(3). – P. 1041–1056.

16. Higher Education, 1971–76 // NARA. – RG 286. – Box 2.

17. Institute of Public and Business Administration. Airgram from U.S. AID Mission/Guatemala to AID/Washington, July 02, 1962 // NARA. – RG 286. – Box 1.

18. Intensive Review Activities – Higher Education. Airgram from Guatemala to AID/Washington, August 31, 1971 // NARA. – RG 286. – Box 2.

19. Letter. USAID. January 21, 1971 // NARA. – RG 286. – Box 2.

20. Memorandum USAID. April 7, 1970 // NARA. – RG 286. – Box 1.

21. PROP – Educational Development (Higher Education). Airgram from AID/Washington to Guatemala AID. October 12, 1970 // NARA. – RG 286. – Box 3.

22. Tang, S. Fear in International Politics: Two Positions / S. Tang // *International Studies Review*. – 2008. – Vol. 10(3). – P. 451–471.

23. Tsvetkova, N. Americanisation, Sovietisation, and Resistance at Kabul University: Limits of the Educational Reforms / N. Tsvetkova // *History of Education*. – 2017. – Vol. 46(3). – P. 343–365.

24. Tsvetkova, N. Making a New and Pliable Professor: American and Soviet Transformations in German Universities, 1945–1990 / N. Tsvetkova // *Minerva*. – 2014. – Vol. 52. – P. 161–185.

25. USAID Social Science Program, FY 1968, 1969 // NARA. – RG 286. – Box 2.

REFERENCES

1. Zapis besedy s zamestitelem ministra prosveshcheniya Kuby Khose Agilera Maseyras. Sekretnyy otchet, 15 dekabrya 1960 [Transcript of the Conversation with Deputy Minister of Education of Cuba, Jos  Aguilera Maceiras. Secret Report, December 15, 1960]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 2, D. 48. 106 l.

2. Kubyshkin A.I. Amerikanskaya istoriografiya gvatemalskoy revolyutsii 1944–1954 gg.: etapy i osnovnye napravleniya [The US Historiography of the Guatemalan Revolution, 1944–1954: Main Stages

and Discourses]. *Latinskaya Amerika*, 1980, no. 5, pp. 102–109.

3. Kubyshkin A.I., Anisimova T.A. Sozdanie natsionalnoy modeli amerikanskogo universiteta (konets XIX – nachalo XX veka) [The Establishment of a National Model of American University (Late 19th – Early 20th c.)]. Kurilla I.I., ed. *AMERICANA: sb. st.* [AMERICANA. Collected Articles]. Volgograd, 2014, pp. 325–343.

4. Otchet inspektora Gosudarstvennogo komiteta po kulturnym svyazyam s zarubezhnyimi stranami o poezdke v Respubliku Kuba. Sekretnyy otchet, 13 iyulya 1961 [Report of the Inspector of the State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries on the Trip to the Republic of Cuba. Secret Report, July 13, 1961]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 2, D. 48. 106 l.

5. Otchet o zagrankomandirovke v Respubliku Kuba delegatsii Minvuza SSSR, noyabr – dekabr 1987 [Report on a Trip to the Republic of Cuba of the Delegation of the Ministry of Higher Education of the USSR, November – December 1987]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 11, D. 355. 110 l.

6. Otchet ob uchastii v sostave sovetskoy delegatsii v mezhdunarodnoy konferentsii g. Gavane (Kuba), fevral 1986 [Report on Participation in the Soviet Delegation in the International Conference in Havana (Cuba), February 1986]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9563, Op. 1, D. 5203. 106 l.

7. Otchet prepodavatelya russkogo yazyka i literatury. Departament sovremennykh neispanskikh yazykov Gavanskogo universiteta, 5 avgusta 1965 [Report of the Teacher of the Russian Language and Literature. Department of Modern Non-Spanish Languages of the University of Havana, August 5, 1965]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 2, D. 2317. 237 l.

8. Pismo zamestitelya ministra finansov SSSR zamestitelyu ministra vysshego i srednego spetsialnogo obrazovaniya SSSR, 2 yanvarya 1960 [Letter of the Deputy Minister of Finance of the USSR to the Deputy Minister of Higher and Secondary Special Education of the USSR, January 2, 1960]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 2, D. 48. 106 l.

9. Spravka o sostoyanii prepodavaniya russkogo yazyka v respublike Kuba, 5 iyunya 1966 [Information on the State of Teaching the Russian Language in the Republic of Cuba, June 5, 1966]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. 9606, Op. 2, D. 2317. 247 l.

10. Castro R.C. Explaining the Duterte Administration’s Appeasement Policy on China: The Power of Fear. *Asian Affairs: An American Review*, 2018, vol. 45 (3/4), pp. 165–191.

11. Clouser R. Facing Fear: The Importance of Engaging with Fear in Development Literature. *Progress in Development Studies*, 2014, vol. 14 (2), pp. 131-146.
12. Clouser R. Security, Development, and Fear in Guatemala: Enduring Ties and Lasting Consequences. *Geographical Review*, 2019, vol. 109 (3), pp. 382-398.
13. Education Development (Higher). Airgram from AID/Washington to Guatemala AID, August 14, 1970. *National Archive Records Administration (NARA)*. RG 286. Box 3.
14. Greater Involvement with Students at the University Level. *NARA*. RG 286. Box 2.
15. Gurantz R., Hirsch A. Fear, Appeasement, and the Effectiveness of Deterrence. *Journal of Politics*, 2018, vol. 79 (3), pp. 1041-1056.
16. Higher Education, 1971–76. *NARA*. RG 286. Box 2.
17. Institute of Public and Business Administration. Airgram from U.S. AID Mission/Guatemala to AID/Washington, July 02, 1962. *NARA*. RG 286. Box 1.
18. Intensive Review Activities – Higher Education. Airgram from Guatemala to AID/Washington, August 31, 1971. *NARA*. RG 286. Box 2.
19. Letter. USAID. January 21, 1971. *NARA*. RG 286. Box 2.
20. Memorandum USAID. April 7, 1970. *NARA*. RG 286. Box 1.
21. PROP – Educational Development (Higher Education). Airgram from AID/Washington to Guatemala AID. October 12, 1970. *NARA*. RG 286. Box 3.
22. Tang S. Fear in International Politics: Two Positions. *International Studies Review*, 2008, vol. 10 (3), pp. 451-471.
23. Tsvetkova N. Americanisation, Sovietisation, and Resistance at Kabul University: Limits of the Educational Reforms. *History of Education*, 2017, vol. 46 (3), pp. 343-365.
24. Tsvetkova N. Making a New and Pliable Professor: American and Soviet Transformations in German Universities, 1945–1990. *Minerva*, 2014, vol. 52, pp. 161-185.
25. USAID Social Science Program, FY 1968, 1969. *NARA*. RG 286. Box 2.

Information About the Authors

Natalia A. Tsvetkova, Doctor of Sciences (History), Ph.D. (Social and Behavioral Studies), Professor, Head of the American Studies Department, St. Petersburg University, Smolnogo St., 1/3, 191060 Saint Petersburg, Russian Federation, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Ivan A. Tsvetkov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, American Studies Department, St. Petersburg University, Smolnogo St., 1/3, 191060 Saint Petersburg, Russian Federation, ivan558@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0763>

Информация об авторах

Наталья Александровна Цветкова, доктор исторических наук, доктор философии в социальных науках (Ph.D.), профессор, заведующая кафедрой американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191060 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Иван Александрович Цветков, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191060 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivan558@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0763>